

СИЛЬНОПРОФИЛИРОВАННЫЕ ФИБУЛЫ С ТЕРРИТОРИИ ПРИКАМЬЯ И ИХ КОНТЕКСТ

А. А. Красноперов

Удмуртский институт истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН, г. Ижевск, Российская Федерация

В статье публикуется сводка комплексов и отдельных находок сильнопрофилированных фибул группы Амброз-11 с территории Прикамья. Все они связаны с памятниками пьяноборской культуры. Фибулы этой группы в настоящее время датируются 2 половиной II – началом III в. Любопытно территориальное распределение находок. Признано, что фибулы производились в Причерноморье; широко распространены на Северном Кавказе, Дону и в Предволжье. В сарматских памятниках Заволжья и южного Приуралья найдено всего 10 экземпляров. Большая серия известна на верхнем Дону, у сарматского и сарматизированного населения. В Прикамье найдено 8 экземпляров. Обстоятельства поступления в Прикамье не очень понятны. Во 2 половине II в. прерываются устойчивые связи причерноморских центров производства и групп сарматских кочевников на Волге, но контакты продолжаются в направлении верховьев Дона. Территории верхнего Подонья и Прикамья разделены большими пространствами, где известны всего две находки: в Нижегородской области и Чувашии. Аналогичное территориальное распределение можно отметить для фибул с кнопкой на конце приемника группы Амброз-12. Вероятные маршруты поступления в Прикамье можно будет обсуждать после их комплексной оценки.

Ключевые слова: Прикамье, пьяноборская культура, фибулы, среднесарматское время, хронология.

Введение

Включение привозных предметов в «местный» культурный комплекс позволяет ставить и решать сразу две взаимосвязанных группы вопросов: хронологии местных древностей на основе более разработанной, и каналов и обстоятельств поступления. «Простое» решение второго вопроса – через посредство сармат – при систематическом рассмотрении оказывается ошибочным. Фактический материал достаточно обширен, и не может быть обобщен в рамках одной публикации. Статья продолжает цикл публикаций, посвященный этой тематике. В этой работе публикуется сводка комплексов и отдельных находок сильнопрофилированных фибул группы Амброз-11 с территории Прикамья.

Обзор литературы

Единичные находки сильнопрофилированных фибул первоначально выделены О. Альмгреном в тип 87 группы IV [1, taf. IV]. Более характерные для южных памятников, они описаны А. К. Амброзом в группе 11 [2, с. 40–43]. Их отличают проволочная или плоская спинка с двумя бусинами и пластинчатый приемник с кнопкой на конце. Серии выделены по наличию или отсутствию крючка для тетивы. В настоящий момент весь массив находок сильнопрофилированных фибул разделен на две самостоятельные группы. «Поздняя» из них, экземпляры маленьких размеров (Almgren-200, Амброз-11/II-3, Кропотов-10/IV), была проанализирована И. О. Гавритухиным [3], и недавно фундирована В. Ю. Малашевым [4]. Эта группа имеет совершенно обособленную хронологию,

ареалы, динамику распространения. Указанные работы на ближайшее время исчерпали тему.

Для ранних форм А. С. Скрипкин отметил, что первоначально предположенная О. Альмгреном динамика эволюции по удлинению спинки, признак не четкий [5, с. 109–113, рис. 3, 18–35], что подтвердил М. В. Кривошеев [6, с. 145–146]. Самый заметный признак, стержневая или пластинчатая спинка, рассматривался специально, и на уровне тенденции отмечено, что экземпляры с пластинчатой спинкой занимают более позднюю хронологическую позицию по отношению к экземплярам со стержневой спинкой [7, с. 133–135]. Разделение на I и II серии [8, с. 225] больше территориальное, и для хронологии существенного значения не имеет¹ (за исключением I серии 1 варианта с очень короткой фигурной спинкой скорее «западных» форм). Принятая на сегодняшний день общая дата – от середины II до начала III в. н. э. [6, с. 146; 8, с. 231].

Методы исследования

Картографирование находок в контексте культурных групп памятников конкретных территорий дает интересный результат.

В сарматских памятниках Дона и Волги отмечено не менее 27 «ранних» фибул из 19 погребений [6, с. 144], на южном Урале – всего 8 находок [9, с. 188; 10, с. 100], и еще дальше на юго-восток не менее трех в Арало-Каспийском междуморье [11, рис. 139, 2; 12, рис. 4. II, 3; 13, рис. 2, 1, с. 172,

¹ Хорошо заметно на отнесении той или иной находки к типу / варианту разными авторами. Большинство тех, что А. С. Скрипкин отнес к типу 1/варианту 1 [5, с. 119], В. В. Кропотов относит к серии II [8, с. 245–248].

175–176)¹. Находки в лесной зоне (Окско-Донской водораздел) недавно собраны А. М. Воронцовым и Е. В. Столяровым [15]. Из восьми учтенных экземпляров три относятся к «поздней» серии Амброз-11/II или Кропотов-10/IV, остальные пять – к ранней. Контекст ранних находок связан с памятниками финала древностей типа Ново-Клейменово и с событиями формирования мощинской культуры около середины III в. [15, с. 67]. К западу и к югу от очерченного ареала известны находки на верхнем Дону: Ново-Никольский, Вязовский [16, рис. 36, 1–8; 17, рис. 5, 6; 18, рис. 70, 9, 71, 53, 77, 1–12; 19, рис. 3, 5], Березовский² [20, рис. 3], Ключи [21, рис. 2, 9], Липецкий [18, с. 118] могильники, Стаево-5,10 [22, рис. 2, 6–10, с. 143–144], к востоку – только два экземпляра: из Нижегородской области, Сергачский/Кожина слобода могильник, погребение 3 [8, с. 248–№ 632, серия II; 23, рис. 2, 12], и в Чувашии, Сендмиркино, погребение 61³.

В Прикамье найдено 8 экз. «ранних» сильнопрофилированных фибул [рис. 1]. Что характерно, только в пьяноборских могильниках; в синхронных и связанных (гляденовской и кара-абызской) культурах фибул группы Амброз-11/II нет.

Результаты и дискуссия

Очевидно, что в Прикамье наблюдается концентрация фибул этой группы, отделенная относительно «пустыми» пространствами. Но и в Прикамье фибулы распространены не повсеместно. Всего две точки: среднее течение р. Ик (Сасыкульский могильник) и напротив устья Ика (Ныргында I, Ныргында II, Чеганда II могильники). В других синхронных пьяноборских памятниках сильнопрофилированных фибул (а часто и фибул вообще) нет, несмотря на обширные вскрытые площади. Закономерен вопрос, в какой последовательности они поступали: с Ика в устье, или с устья на Ик?

Ответ, вероятно, необходимо искать со стороны хронологии комплексов. К сожалению, «свой» материал яркой пьяноборской культуры представлен в основном разнообразными типами бляшек, хронологическое значение которых мало. И еще одна особенность комплексов с фибулами – очень часто именно в них больше ничего нет. Среди рассматриваемых наблюдается схожая картина. Именно фибулы являются датирующими в погребениях. Заметной временной разницы между могилами в среднем течении Ика и напротив устья тоже не наблюдается. Но можно еще раз подчеркнуть особенности распространения: 1) фибулы группы Амброз-11/II представительны в пьяноборских комплексах; 2) не встречаются в синхронных

культурах лесной зоны; 3) крайне редки у сармат в Заволжье⁴; 4) ближайший ареал концентрации – население верхнего Подонья сарматского времени (рис. 2).

Ни одна из двух сарматских групп, использовавших в костюме сильнопрофилированные фибулы во 2 половине II в., не имела прямых контактов с пьяноборским населением.

А. С. Скрипкин связывал ситуацию отсутствия памятников в Заволжье с особенностями сложения позднесарматской культуры, которая первоначально оформилась на южном Урале и в Заволжье, что прервало устойчивые контакты с причерноморскими центрами производства. И только в 3-й, может быть, даже в 4-й четверти II в. вновь происходит объединение регионов Заволжья и междуречья Волги и Дона, что выразилось, в том числе, и в повсеместном распространении в начале III в. новых групп фибул – лучковых 3–5 вариантов [5, с. 112]. Такая последовательность событий нашла подтверждение на новом материале [24]. То есть во 2 половине II в. в Заволжье уже есть группы населения «позднесарматской культуры», которым недоступны товары, произведенные в мастерских Причерноморья. А в Предволжье сохраняется предшествующее население, поддерживающее традиционные контакты. Но сарматские и пьяноборские памятники с находками сложно профилированных фибул не смыкаются территориально. Мало того, пьяноборская культура территориально относится к Заволжью. Ближайшие находки фибул – в Никифоровке и в Андреевке на р. Самаре. Д. Г. Бугров, специально рассматривавший причины, отметил, что пьяноборские памятники распространены только на правом, высоком берегу р. Ик, со множеством площадок для устройства городищ. Левый берег реки более низкий и пологий, что делает его удобным для передвижения кочевников. На протяжении всего среднесарматского и раннего периода позднесарматского времени кочевое население полностью контролировало территорию к западу от Ика, что делало невозможным расширение пьяноборского ареала в этом направлении [25, с. 175–176, 189]. Глубину проникновения маркирует могильник Нижняя Мактама на левом берегу р. Степной Зай (текущей параллельно р. Ик). Вещей в разрушенных погребениях нет, а по керамике [26, рис. 16] они могут датироваться достаточно широко, от рубежа I/II до середины III в. н. э., но определенно датируются не до рубежа эр и не позже, не позднесарматским временем.

Другой очаг распространения – позднескифское, сарматское и сарматизированное население верхнего Подонья. В этой зоне реконструируется процесс смещения позднескифских групп в лесную зону (появление Вязовского, Ново-Николь-

¹ Самая восточная находка – на р. Томь: Усть-Абинский, погребение 7 [14, табл. LXXIV, 62].

² Эту находку А. М. Обломский приписывает могильнику Новая Чигла.

³ Доклад автора раскопок Н. С. Мясникова на конференции в с. Монастырщина в ноябре 2019 г.

⁴ Непосредственно к Заволжью относятся всего две находки: Альт-Веймар/Старая Иванцовка и Эггейм / Усатово.

ского, Березовского могильников II – I половины III вв.) под давлением позднесарматского населения [18, с. 102–110; 27], приведший к образованию памятников типа Ново-Клейменово (2 половина II – начало III в.), связанных также с позднедьяковскими группами, ранним (кошибеевским) горизонтом культуры рязано-окских могильников, и испытавших центральноевропейский культурный импульс. Финал этих памятников связан с военным разгромом, кратковременным запустением площадок и последовавшим заселением ранне-мошинским населением [28, с. 15–16; 29, с. 69–71]. В предшествующее время, на рубеже эр, контакты между Подоньем и Прикамьем видны отчетливо. Промежуточная зона была занята памятниками андреевско-писеральского круга, демонстрировавшими юго-западные [30] и западные связи [31; 29, с. 68–69]. Позже, во II в., к ним добавляется восточный, пьяноборский компонент: с востока [32, с. 261; 33] и на восток (мечи [34, рис. 1], некоторые типы фибул(?), стольгам(?) [35]), и лишь в конце II – начале III в. снова проявляется южное, сарматское, влияние, выразительное в памятниках Сендимиркино-Таутово [32, с. 264–268]. Но в период бытования сильнопрофилированных фибул контакты прерываются. Между зонами распространения в Подонье и в Прикамье зафиксированы всего две находки.

Выводы

Обстоятельства поступления в Прикамье не очень понятны. Если исключить из рассмотрения основной ареал бытования застежек рассматриваемой формы [рис. 2: А], который, очевидно, связан с центрами производства, то распространение находок получается весьма любопытным. В огромной степной зоне к востоку от Волги, занятой «сарматскими» памятниками, их практически нет, – во 2 половине II в. прерываются устойчивые связи причерноморских центров производства и групп сарматских кочевников на Волге. Но контакты, отраженные, в том числе, и находками сильнопрофилированных фибул причерноморских типов, продолжаются в направлении верховьев Дона. Территории верхнего Подонья и Прикамья разделены большими пространствами, где известны всего две находки: в Нижегородской области и Чувашии. Однако другие категории инвентаря (оружие, застежки других форм) этого времени в совокупности показывают регулярное взаимодействие на границе лесостепной и лесной зон. Поступление фибул группы Амброз-11 в Прикамье может быть как-то сопряжено с обстоятельствами поступления фибул с кнопкой на конце приемника (группы Амброз-12), которые¹ происходят с тех же групп памятников и тоже отсутствуют на смежных территориях, но вопрос требует последовательного изучения.

¹ Комплексы нужно рассматривать в отдельной работе.

Каталог

Сасыкульский (Ново-Сасыкульский) могильник. Башкирия. Раскопки С. М. Васюткина, В. К. Калинина 1976, 1977, 1979, 1980 гг. Опубликовано только обзорная статья с выборочными типами вещей.

1. Сасыкуль², погребение 1 [8, с. 229-№ 27, серия I, вариант 2]. Единственная находка в разрушенном (сохранился только череп) погребении [37, рис. 9, I] [рис. 1, Г].

2. Сасыкуль, погребение 300 [8, с. 248-№ 629, серия II]. Комплекс полностью неизвестен [37, рис. 6, 3, 9, 10] [рис. 1, В].

3, 4. Сасыкуль, погребение 309 [8, с. 248-№ 630–631, серия II, 2 экз.: стержневая и узкая пластинчатая спинки]. Комплекс полностью неизвестен [37, рис. 8, 49, 9, 11, 12, 20, 3] [рис. 1, Б].

Чегандинский II могильник. Удмуртия. Раскопки В. Ф. Генинга 1954–1956 гг. Опубликовано как раздел монографии. Рисунки изданы дважды, но только типами вещей, комплексы восстанавливаются по описаниям и ссылкам.

5. Чеганда II, погребение 38 [8, с. 248-№ 633, серия II]. В могиле золотостеклянные бусы [38, табл. I, 5, 6, II, 20, III, 11, 18, XV, 4, 5, 22] [рис. 1, Е].

Ныргындинский I могильник. Удмуртия. Раскопки А. С. Спицына, В. Ф. Генинга, Р. Д. Голдиной, Л. И. Ашихминой, Г. Н. Журавлевой 1898, 1954, 1969–1971, 1975, 1979 гг. Полностью опубликован по комплексам.

6. Ныргында I, погребение 211 [39, табл. 116, 29, широкая пластинчатая спинка]. В могиле золотостеклянные бусы, зеркало типа Скрипкин-1.0 или -1.6 со срезанной ручкой [39, табл. 116] [рис. 1, Ж].

7. Ныргында I, погребение 316, 317 [39, табл. 189, 3, узкая пластинчатая спинка]. Парное погребение [39, табл. 189] [рис. 1, Д].

Ананьинский могильник. Татарстан. Сборы, покупки и небольшие раскопки. Разрозненные находки предметов разных лет, авторов; многочисленные перемещения коллекций.

8. Ананьино(?). А.-М. Тальгрэн приводит копию А. А. Спицына с рисунка П. В. Сюзева³ на казанском археологическом съезде, но сомневается в указании местоположения [40, fig. 104, 12, p. 142] [рис. 1, А].

² Материалы поступили в государственный музейный фонд только по прошествии 40 лет после раскопок и в настоящий момент проходят процедуру принятия на учет [36]. Результаты постепенно публикуются хранителем фонда «Археология» Национального музея Республики Башкортостан С. Л. Воробьевой. Отчет за 1980 г., когда раскапывались погребения №№ 300 и 309, написан не был.

³ У А.-М. Тальгрена даны другие инициалы «И. В. Сюзев». Известны двое. Павел Иванович (1837–1893), выходец из крепостных, дослужившийся до управляющего Добрянским металлургическим заводом Строгановых. Был членом Уральского общества любителей естествознания, Пермской ученой архивной комиссии. Павел Васильевич (1867–1928), заместитель главного лесничего пермских имений Строгановых, ботаник, преподаватель Томского, Пермского университетов. Был членом Уральского общества любителей естествознания, Пермской ученой архивной комиссии. Известен как собиратель, в том числе археологических предметов.

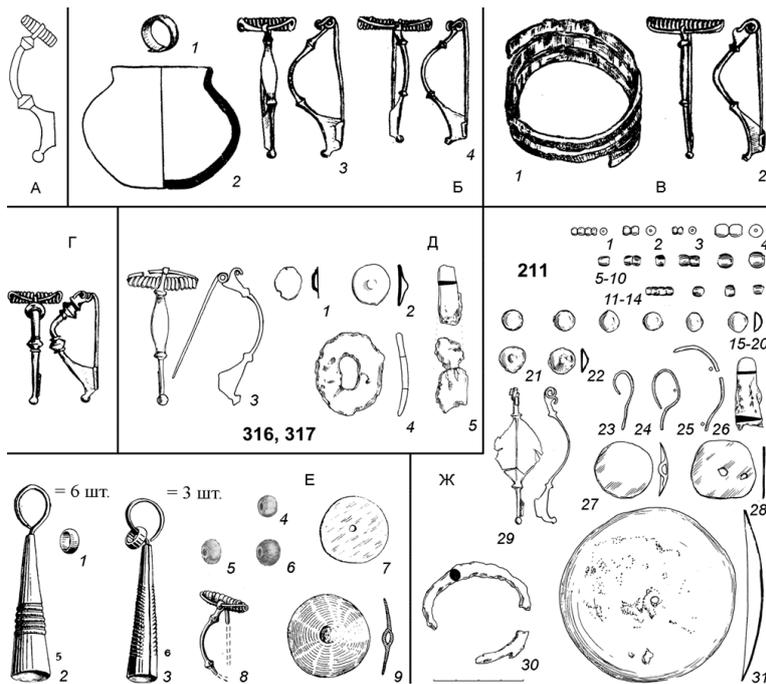

Рис. 1. Комплексы с сильнопрофилированными фибулами в Прикамье. А – «Ананьино»; Б – Сасыкуль, погребение 309; В – Сасыкуль, погребение 300; Г – Сасыкуль, погребение 1; Д – Ныргында I, погребение 316,317; Е – Чеганда II, погребение 38; Ж – Ныргында I, погребение 211. Ссылки см. в каталоге
 Fig. 1. Complexes containing strongly profiled fibulae in the Kama region. A – «Ananino»; B – Sasykul, grave 309; V – Sasykul, grave 300; G – Sasykul, grave 1; D – Nyrgynda I, grave 316, 317; E – Tcheganda II, grave 38; Zh – Nyrgynda I, grave 211. See catalog for links

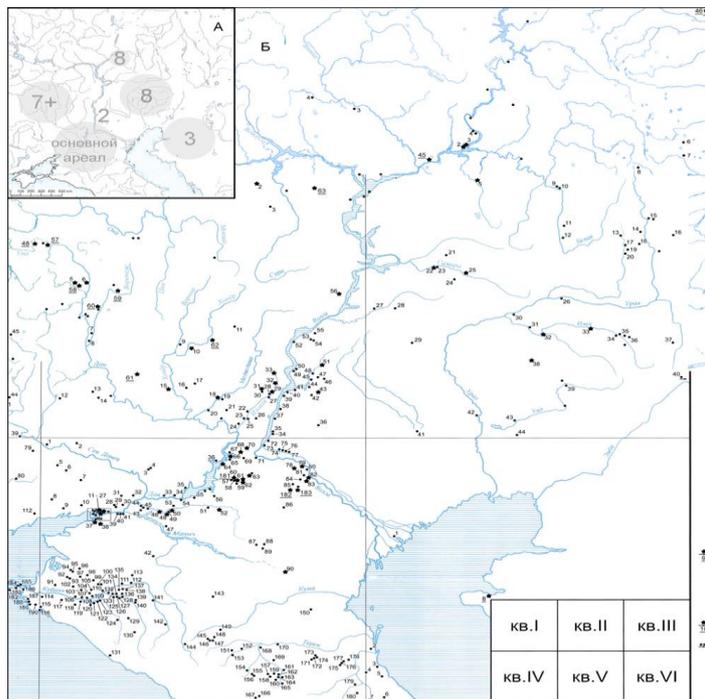

Рис. 2. А. Схема распределения находок сильнопрофилированных фибул по районам. Цифры отражают характеристику «не менее» стольких экземпляров. Б. Карта распространения находок фибул. Фрагмент карты В. В. Кропотова (2010) с дополнениями. Квадратная сетка и нумерация соответствуют исходнику. Дополнительные номера (подчеркнутые) введены только для находок сильнопрофилированных фибул (звездочками), не учтенных в своде. Кв. I: 48 – Слобода. Кв. II: 57 – Кожуховка, 58 – Ефремовский р-н, 59 – Стаево, 60 – Липецк, 61 – Березовка, 62 – Ключи, 63 – Сендимиркино. Кв. III: 45 – Ананьино, 46 – Усть-Абинский. Кв. V: 181 – Чиковский, 182 – Кермен-Толга, 183 – Джангар. Кв. VI: 8 – Каракабак, 9 – Асар(ы), 10 – Казы-баба
 Fig. 2. A. Scheme of distribution of finds of heavily profiled brooches by regions. The numbers reflect a characteristic of «no less than» a given number of examples. B. Map of the distribution of fibulae finds. Fragment of the map of V. V. Kropotov (2010) with additions. The square grid and numbering match the original. Additional numbers (underlined) are introduced only for finds of strongly profiled fibulae (stars) not included in the code. Sq. I: 48 – Sloboda. Sq. II: 57 – Kozhukhovka, 58 – Efremovsky district, 59 – Staevo, 60 – Lipetsk, 61 – Berezovka, 62 – Kluchi, 63 – Sendimirkino. Sq. III: 45 – Ananyino, 46 – Ust-Abinsk. Sq. V: 181 – Chikovsky, 182 – Kermen-Tolga, 183 – Dzhangar. Sq. VI: 8 – Karakabak, 9 – Asar(s), 10 – Kazy-baba

Благодарности

Выражаем благодарность за помощь с литературой И. Е. Бирюкову (Липецк), Д. Г. Бугрову (Казань), Е. П. Китову (Москва), Д. А. Топалу (Кишинев).

Литература

1. Almgren, O. Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinziaromischen und sudrussischen Formen / O. Almgren. – Stockholm, 1897. – XIII, 243 S., XI Taf. / Mannus-Bibliothek, № 32. 2. Aufl. – Leipzig : Kabitzsch, 1923. – VI, 254 S., Abb., Taf.
2. Амброз, А. К. Фибулы юга европейской части СССР (II в. до н.э. – IV в. н.э.) / А. К. Амброз // Свод археологических источников. Вып. Д1-30. – М. : Наука, 1966. – 169 с.
3. Гавритухин И. О. Находка из Супрут в контексте восточноевропейских сильнопрофилированных фибул / И. О. Гавритухин // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Ч. 1 ; ред. А. М. Воронцов, И. О. Гавритухин. – Тула : Куликово поле, 2010. – С. 49–68.
4. Малашев, В. Ю. О сильнопрофилированных фибулах середины III–IV в. н. э. / В. Ю. Малашев, З. П. Кадзаева // Российская археология. – 2021. – № 2. – С. 54–72.
5. Скрипкин, А. С. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) / А. С. Скрипкин // Советская археология. – 1977. – № 2. – С. 100–120.
6. Кривошеев, М. В. Фибулы из сарматских комплексов 2 половины II – 1 половины III вв. н. э. в южной части Волго-Донского Междуречья / Кривошеев М. В. // Четвертая Кубанская археологическая конференция : тезисы и доклады ; ред. И. И. Марченко. – Краснодар, 2005. – С. 144–147.
7. Габуев, Т. А. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа / Т. А. Габуев, В. Ю. Малашев. – М. : Таус, 2009. – 468 с.
8. Кропотов В. В. Фибулы сарматской эпохи / В. В. Кропотов. – К. : ИД АДЕФ-Украина, 2010. – 384 с.
9. Мошкова, М. Г. Фибулы из позднесарматских погребений Южного Приуралья: вопросы хронологии и производства / М. Г. Мошкова // Нижневолжский археологический вестник. – 2000. – Вып. 3. – С. 186–200.
10. Малашев, В. Ю. Позднесарматская культура Южного Приуралья во II–III вв. н.э. : дис. ... канд. ист. наук / В. Ю. Малашев. – М., 2013. – 301 с.
11. Левина, Л. М. Этнокультурная история Восточного Приуралья. I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. / Л. М. Левина. – М. : ВЛ, 1996. – 396 с.
12. Ягодин, В. Н. Арало-Каспийское междуморье в первые века н. э. / В. Н. Ягодин // Всадники Великой степи: традиции и новации : труды филиала Института археологии им. А. Х. Маргулана в г. Астана. – Астана : Изд. группа ФИА им. А. Х. Маргулана в г. Астана, 2014. – С. 264–278.
13. Гавритухин, И. О. Фибулы с полуострова Мангышлак (Республика Казахстан) / И. О. Гавритухин, А. Е. Астафьев, Е. С. Богданов // Поволжская археология. – 2019. – № 3. – С. 170–189.
14. Ширин, Ю. В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тыс. н.э. (погребальные памятники фоминской культуры) / Ю. В. Ширин. – Новокузнецк : Кузнецкая крепость, 2003. – 288 с.
15. Воронцов, А. М. Восточноевропейские сильнопрофилированные фибулы с территории Окско-Донского водораздела / А. М. Воронцов, Е. В. Столяров // История вещей – история и вещи. К 60-летию юбилею И. О. Гавритухина / Раннеславянский мир. – Вып. 20 ; отв. ред. А. М. Обломский. – М. : ИА РАН, 2020. – С. 67–75.
16. Левенок В. П. Ново-Никольский могильник сарматского времени на Верхнем Дону / В. П. Левенок // Краткие сообщения института археологии. Вып. 133 / Железный век Восточной Европы. – М. : Наука, 1973. – С. 86–94.
17. Воронина Р. Ф. Сарматский могильник у с. Ново-Никольское / Р. Ф. Воронина // КСИА. Вып. 170 / Железный век. – М. : Наука, 1982. – С. 87–90.
18. Медведев А. П. Сарматы в верховьях Танаиса / А. П. Медведев. – М. : Таус, 2008. – 252 с.
19. Бирюков, И. Е. Новые раскопки Ново-Никольского могильника на Верхнем Дону / И. Е. Бирюков // Верхнедонской археологический сборник. – Вып. 3 ; отв. ред. А. Н. Бессуднов. – Липецк ; СПб., 2007. – С. 174–184.
20. Березуцкий, В. Д. Исследования экспедиции «Возвращение к истокам» / В. Д. Березуцкий // Археологические исследования в Центральном Черноземье в 2018 г. ; ред. М. В. Ивашов. – Липецк ; Воронеж : Новый взгляд, 2019. – С. 64–67.
21. Хреков А. А. Сарматские памятники лесостепного Прихоперья / А. А. Хреков // Археологическое наследие Саратовского края. – Вып. 8 ; отв. ред. А. И. Юдин. – Саратов : Научная книга, 2008. – С. 94–105.
22. Обломский, А. М. Фибулы Днепровского лесостепного Левобережья и Подонья раннеримского времени. Проблема связей оседлого населения / А. М. Обломский // Краткие сообщения института археологии. – Вып. 265. – М. : ИА РАН, 2021. – С. 139–159.
23. Гришаков, В. В. Сергачский могильник «Кожина слобода» в системе памятников андреевско-писеральского горизонта / В. В. Гришаков // Пензенский археологический сборник. – Вып. 3 ; общ. ред. Г. Н. Белорыбкин. – Пенза : ПИРО, 2010. – С. 103–115.
24. Малашев, В. Ю. Кочевнические памятники Казахстана, Средней Азии и происхождение позднесарматской культуры / В. Ю. Малашев // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы : материалы международной научной конференции. – Алматы, 2011. – Т. II. – С. 251–255.
25. Бугров, Д. Г. Поселения пьяноборской куль-

туры в Икско-Бельском междуречье : дис. ... канд. ист. наук / Д. Г. Бугров. – Казань, 2006. – 350 с.

26. Казаков, Е. П. Очерки древней истории Восточного Закамья (Из истории Альметьевского региона). Вып. II. / Е. П. Казаков, З. С. Рафикова. – Альметьевск, 1999. – 119 с.

27. Бирюков, И. Е. Позднекифский горизонт в лесостепи от Днепра до Волги / И. Е. Бирюков // Археологическое наследие. – 2020. – № 1 (3). – С. 393–403.

28. Воронцов, А. М. Культурно-хронологические горизонты памятников II–V вв. на территории Окско-Донского водораздела / А. М. Воронцов. – Тула : Куликово поле, 2013. – 173 с.

29. Воронцов, А. М. Война I века на границе лесной зоны: Окско-Донской водораздел / А. М. Воронцов, Е. В. Столяров // *Stratum plus*. – 2019. – № 4: Меч Марса. – С. 51–74.

30. Ахмедов, И. Р. Фибулы «AVCISSA» в Пурсуре и Поочье / И. Р. Ахмедов // История вещей – история и вещи. К 60-летию юбилею И. О. Гаврилухиной / Раннеславянский мир. – Вып. 20 ; отв. ред. А. М. Обломский. – М. : ИА РАН, 2020. – С. 36–48.

31. Ставицкий, В. В. Западный компонент в материалах Андреевского кургана / В. В. Ставицкий // Вестник НИИГН при Правительстве Республики Мордовия. – 2013. – № 3(27). – С. 126–141.

32. Мясников Н. С. Этнокультурные процессы в Чувашии Поволжье в I–VIII вв. н.э. в свете археологических данных / Н. С. Мясников // Итоговые научные сессии 2011–2014 гг. ; сост. Г. А. Николаев. – Чебоксары : ЧГИГН, 2014. – С. 255–309.

33. Бугров, Д. Г. Некоторые проблемы выделения «этнокультурных компонентов» памятников андреевско-писеральского типа: погребальный обряд / Д. Г. Бугров, Н. С. Мясников // Поволжская археология. – 2018. – № 3. – С. 314–335.

34. Зубов, С. Э. Ранние палаши Волго-Уралья / С. Э. Зубов // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология : доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». – Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2007. – С. 124–133.

35. Столяров, Е. В. Сюльгамы андреевско-писеральского типа с территории Окско-Донского водораздела / Е. В. Столяров // Поволжская археология. – 2021. – № 1 (35). – С. 131–147.

36. Воробьева, С. Л. Ново-Сасыкульский могильник как опорный памятник пьяноборской культуры в Нижнем Прикамье / С. Л. Воробьева, В. В. Куфтерин // Новые материалы и методы археологического исследования: От критики источника к обобщению и интерпретации данных : материалы V Международной конференции молодых ученых ; отв. ред. В. Е. Родинкова. – М. : ИА РАН, 2019. – С. 91–93.

37. Васюткин, С. М. Ново-Сасыкульский могильник / С. М. Васюткин, В. К. Калинин // Археологические работы в низовьях р. Белой ; отв. ред. А. Х. Пшеничнюк. – Уфа, 1986. – С. 95–122.

38. Генинг В. Ф. История населения удмуртского Прикамья в Пьяноборскую эпоху. Чегандинская культура III в. до н. э. – II в. н.э. Ч. II. / В. Ф. Генинг // Вопросы археологии Урала. – Вып. 11. – Ижевск ; Свердловск, 1971. – 190 с.

39. Голдина, Р. Д. Ныргындинский I могильник II–III вв. на средней Каме / Р. Д. Голдина, А. А. Красноперов // МИКВАЭ. Т. 22. – Ижевск : Удмуртский университет, 2012. – 364 с.

40. Tallgren A. M. L'epoque dite d'Ananino dans la Russie orientale / А. М. Tallgren // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. – XXXI. – Helsinki, 1919. – 203 p.

Красноперов Александр Анатольевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Удмуртского института истории, языка, литературы, Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН (Ижевск), e-mail: alexander.kaa@mail.ru. ORCID 0000-0001-7931-4536

Поступила в редакцию 23 марта 2022 г.

DOI: 10.14529/ssh220405

FIBULAE OF ALMGREN-87 (STRONGLY PROFILED) FROM THE TERRITORY OF THE KAMA REGION AND THEIR CONTEXT

A. A. Krasnoperov

*Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russian Federation*

This article contains a summary of the heavily profiled fibulae of the Almgren-87 group from the territory of the Kama region. All of them are associated with monuments of the 'Pyany Bor' archaeological culture. The fibulae of this group are currently dated to the 2nd half of the 2nd –

beginning of the 3rd centuries. The territorial distribution of the finds is interesting. It is recognized that fibulae were produced in the Black Sea region, and widely distributed in the North Caucasus, the Don and in the Volga region. In the Sarmatian burial mounds east of the Volga and the southern Urals, only 10 specimens were found. A large series is known on the upper Don, among the Sarmatian and Sarmatized population. 8 specimens were found in the Kama basin. The circumstances of their transition to the Kama region are not very clear. In the 2nd half of the 2nd century, stable ties between the Black Sea production centers and groups of Sarmatian nomads on the Volga were interrupted. However, contacts continued in the direction of the upper reaches of the Don. The territories of the upper Don and Kama regions are separated by large area, where only two finds are known: in the Nizhny Novgorod region and Chuvashia. A similar territorial distribution can be noted for fibulae Almgren-204 group. Probable entry routes to the Kama region can be discussed after their comprehensive assessment.

Keywords: the Kama River area, 'Pyany Bor' archaeological culture, fibulae, middle Sarmatian time, chronology.

References

1. Almgren O. Studien über Nordeuropäische Fibelformen der Ersten Nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der Provinziaromischen und Sudrussischen Formen. Stockholm, 1897. XIII, 243 S., XI Taf. / Mannus-Bibliothek, № 32. 2. Aufl. Leipzig: Kabitzsch, 1923. VI, 254 S., Abb., Taf.
2. Ambroz A.K. Fibuly juga evropejskoj chasti SSSR (II v. do n.je. – IV v. n.je.) [Fibulae in the South of the European Part of the USSR] // *Svod arheologičeskikh istočnikov*. Vyp. D1-30. M.: Nauka, 1966. 169 s.
3. Gavrituhin I.O. Nahodka iz Suprut v kontekste vostočnoevropejskikh sil'noprofilirovannyh fibul [A Find from Suprut in the Context of Eastern European Strongly Profiled Fibulae] // *Lesnaja i lesostepnaja zony Vostočnoj Evropy v jepohi rimskih vlijanij i Velikogo pereselenija narodov*. Konf. 2. Vol. 1; red. A. M. Vorontsov, I.O. Gavritukhin. Tula: Kulikovo pole, 2010. S. 49–68.
4. Malashev V.J., Kadzaeva Z.P. O sil'noprofilirovannyh fibulah serediny III–IV v. n.je. [Strongly Profiled Fibulae of the middle 3rd–4th century] // *Rossijskaja arheologija*. 2021. № 2. S. 54–72.
5. Skripkin A.S. Fibuly Nizhnego Povolzh'ja (po materialam sarmatskikh pogrebenij) [Fibulae of the Lower Volga Region] // *Sovetskaja arheologija*. 1977. № 2. S. 100–120.
6. Krivosheev M.V. Fibuly iz sarmatskikh kompleksov vtoroj poloviny II – pervoj poloviny III vv. n.je. v juzhnoj chasti Volgo-Don'skogo Mezhdureč'ja [Fibulae from the Sarmatian Complexes of the second half of the 2nd – the first half of the 3rd cent. AD in the Southern Part of the Volga-Don Area] // *Chetvertaja Kubanskaja arheologičeskaja konferencija*; red. I. I. Marchenko. Krasnodar, 2005. S. 144–147.
7. Gabuev T.A., Malashev V.J. Pamjatniki rannih alan central'nyh rajonov Severnogo Kavkaza [Monuments of the Early Alans in the Central Regions of the North Caucasus]. M.: Taus, 2009. 468 s.
8. Kropotov V.V. Fibuly sarmatskoj jepohi [Fibulae of the Sarmatian Epoch]. Kiev: ID ADEF-Ukraina, 2010. 384 s.
9. Moshkova M.G. Fibuly iz pozdnesarmatskikh pogrebenij Juzhnogo Priural'ja: voprosy hronologii i proizvodstva [Fibulae from the Late Sarmatian Burials of the Southern Urals: Issues of Chronology and Production] // *Nizhnevolzhskij arheologičeskij vestnik*. 2000. Vyp. 3. S. 186–200. 2000. P. 186–200.
10. Malashev V.J. Pozdnesarmatskaja kul'tura Juzhnogo Priural'ja vo II–III vv. n.je. [Late Sarmatian Culture of the Southern Urals in the II–III cent. AD]: dis. ... kand. ist. nauk. M., 2013. 301 s.
11. Levina L.M. Jetnokul'turnaja istorija Vostočnogo Priural'ja. I tys. do n.je. – I tys. n.je. [Ethnocultural History of the Eastern Aral Sea Region]. M.: VL, 1996. 396 s.
12. Jagodin V.N. Aralo-Kaspijskoe mezhdumor'e v pervye veka nashej jery [Aral-Caspian Intermarium in the First centuries of our era] // *Vsadniki Velikoj stepi: tradicii i novacii*. Astana: Izd. gruppa FIA im. A. KH. Margulana v g. Astana, 2014. S. 264–278.
13. Gavrituhin I.O., Astaf'ev A.E., Bogdanov E.S. Fibuly s poluostrova Mangyšlak (Respublika Kazahstan) [Fibulae from the Settlement Karakabak (Mangystau Peninsula)] // *Povolzhskaja arheologija*. 2019. № 3. S. 170–189.
14. Shirin J.V. Verhnee Priob'e i predgor'ja Kuzneckogo Alatau v nach. I tys. n.je. (pogrebal'nye pamjatniki fominskoj kul'tury) [Upper Ob and Foothills of the Kuznetsk Alatau in the Beginning I millennium AD (Funeral Monuments of the Fominsk Culture)]. Novokuzneck: Kuzneckaja krepost', 2003. 288 s.
15. Voroncov A.M., Stoljarov E.V. Vostočnoevropejskie sil'noprofilirovannye fibuly s territorii Oksko-Don'skogo vodorazdela [East European Strongly Profiled Fibulae from the Territory of the Oka-Don Watershed] // *Istorija veshhej – istorija i veshhi*. K 60-letnemu jubileju I. O. Gavrituhina / *Ranneslavjanskij mir*. Vyp. 20; otv. red. A. M. Oblomskij. M.: IA RAN, 2020. S. 67–75.
16. Levenok V.P. Novo-Nikol'skij mogil'nik sarmatskogo vremeni na Verhnem Donu [Novo-Nikolsky Burial Ground of the Sarmatian Time on the Upper Don] // *Kratkie soobshhenija instituta arheologii*. Vyp. 133. M.: Nauka, 1973. S. 86–94.

17. Voronina R.F. Sarmatskij mogil'nik u s. Novo-Nikol'skoe [Sarmatian Burial Ground near the Village Novo-Nikolskoe] // *Kratkie soobshhenija instituta arheologii*. Vyp. 170. M.: Nauka, 1982. S. 87–90.
18. Medvedev A.P. Sarmaty v verhov'jakh Tanaisa [Sarmatians in the Upper Tanais]. M.: Taus, 2008. 252 s.
19. Birjukov I.E. Novye raskopki Novo-Nikol'skogo mogil'nika na Verhnem Donu [New Excavations of the Novo-Nikolsky Brial Ground on the Upper Don] // *Verhnedonskoj arheologicheskij sbornik*. Vyp. 3; otv. red. A.N. Bessudnov. Lipetsk; SPb., 2007. S. 174–184.
20. Berezuckij V.D. Issledovaniya jekspedicii «Vozvrashhenie k istokam» [Expedition «Return to the Origins»] // *Arheologicheskie issledovaniya v Central'nom Chernozem'e v 2018 g.*; red. M.V. Ivashov. Lipetsk; Voronezh: Novyy vzglyad, 2019. S. 64–67.
21. Khrekov A. A. Sarmatskie pamjatniki lesostepnogo Prihoper'ja [Sarmatian Monuments of the Forest-Steppe Khoper Region] // *Arheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraja*. Vyp. 8; otv. red. A.I. Yudin. Saratov: Nauchnaya kniga, 2008. S. 94–105.
22. Oblomskij A.M. Fibuly Dneprovskogo lesostepnogo Levoberezh'ja i Podon'ja rannerimskogo vremeni. Problema svyazey osedlogo naselenia [Fibulae of the Dnieper Forest–Steppe Left Bank Region and the Don Region During the Early Roman Period. Issues of the Contacts Maintained by the Sedentary Population] // *Kratkie soobshhenija instituta arheologii*. Vyp. 265. M.: IA RAN, 2021. S. 139–159.
23. Grishakov V.V. Sergachskij mogil'nik «Kozhina sloboda» v sisteme pamjatnikov andreevskopiseral'skogo gorizonta [Sergachsky Burial Ground «Kozhina Sloboda» in the System of Monuments of the Andreevka-Piseraly Archaeological Horizon] // *Penzenskij arheologicheskij sbornik*. Vyp. 3; obshch. red. G.N. Belorybkin. Penza: PIRO, 2010. S. 103–115.
24. Malashev V.J. Kochevnicheskie pamjatniki Kazakhstana, Srednej Azii i proishozhdenie pozdnesarmatskoj kul'tury [Nomadic Monuments of Kazakhstan, Central Asia and the Origin of the Late Sarmatian Culture] // *Arheologija Kazakhstana v jepohu nezavisimosti: itogi, perspektivy*. T. II. Almaty, 2011. S. 251–255.
25. Bugrov D.G. Poselenija p'janoborskoj kul'tury v Iksko-Bel'skom mezhdurech'e [Settlements of the Pianobor Culture in the Ik-Belaya Interfluve]: dis. ... kand. ist. nauk. Kazan', 2006. 350 s.
26. Kazakov E.P., Rafikova Z.S. Oчерки drevnej istorii Vostochnogo Zakam'ja (Iz istorii Al'met'evskogo regiona). Vyp. II [Essays on the Ancient History of the Eastern Trans-Kama Region]. Al'met'evsk, 1999. 119 s.
27. Birjukov I.E. Pozdneskifskij gorizont v lesostepi ot Dnepra do Volgi [The Late Scythian Chronological Horizon in the Forest-steppe from the Dnieper to the Volga] // *Arheologicheskoe nasledie*. 2020. № 1 (3). S. 393–403.
28. Voroncov A.M. Kul'turno-hronologicheskie gorizonty pamjatnikov II–V vv. na territorii Oksko-Donskogo vodorazdela [Cultural-chronological Horizons of Sites of II–V centuries in Territory of Oka-Don Watershed]. Tula: Kulikovo pole, 2013. 173 s.
29. Voroncov A.M., Stoljarov E.V. Vojna I veka na granice lesnoj zony: Oksko-Donskoj vodorazdel [The I century War of on the Border of Forest Zone: Oka-Don Interfluve] // *Stratum plus*. 2019. № 4: Mech Marsa. S. 51–74.
30. Ahmedov I.R. Fibuly «AVCISSA» v Posur'e i Pooch'e [Fibulae «AVCISSA» in the Sura and Oka River Areas] // *Istorija veshhej – istorija i veshhi*. K 60-letnemu jubileju I. O. Gavrituhina / *Rannelslavjanskij mir*. Vyp. 20; otv. red. A.M. Oblomskij. M.: IA RAN, 2020. S. 36–48.
31. Stavickij V.V. Zapadnyj komponent v materialah Andreevskogo kurgana [The Western Component in the Materials of the Andreevka-Kurgan] // *Vestnik NIIGN pri Pravitel'stve Respubliki Mordovija*. 2013. № 3(27). S. 126–141.
32. Mjasnikov N.S. Jetnokul'turnye processy v Chuvashskom Povolzh'e v I–VIII vv. n.e. v svete arheologicheskikh dannyh [Ethnocultural Processes in the Chuvash Volga Region in the I–VIII cent. AD in the Light of Archaeological Evidence] // *Itogovyje nauchnye sessii 2011–2014 gg.*; sost. G.A. Nikolaev. Cheboksary: ChGIGN, 2014. S. 255–309.
33. Bugrov D.G., Mjasnikov N.S. Nekotorye problemy vydelenija «jetnokul'turnyh komponentov» pamjatnikov andreevsko-piseral'skogo tipa: pogrebal'nyj obrjad [Some Issues in Defining «Ethnic and Cultural Components» of the Andreevka-Piseraly Type of sites: burial rite] // *Povolzhskaja arheologija*. 2018. № 3. S. 314–335.
34. Zubov S.J. Rannie palashi Volgo-Ural'ja [Early Broadwords of the Volga-Urals] // *Vooruzhenie sarmatov: regional'naja tipologija i hronologija*. Cheljabinsk: Izd-vo JuUrGU, 2007. S. 124–133.
35. Stoljarov E.V. Sjul'gamy andreevsko-piseral'skogo tipa s territorii Oksko-Donskogo vodorazdela [Syulgamas of the Andreevka-Piseraly Type from the Oka and Don Watershed] // *Povolzhskaja arheologija*. 2021. № 1 (35). S. 131–147.
36. Vorob'eva S.L., Kufterin V.V. Novo-Sasykul'skij mogil'nik kak opornyj pamjatnik p'janoborskoj kul'tury v Nizhnem Prikam'e [Cemetery of Novy-Sasykul as a Key Monument of the Pyanobor Culture in the Lower Kama Region] // *Novye materialy i metody arheologicheskogo issledovaniya: Ot kritiki istochnika k obobshheniju i interpretacii dannyh*; otv. red. V.E. Rodinkova. M.: IA RAN, 2019. S. 91–93.
37. Vasjutkin S.M., Kalinin V.K. Novo-Sasykul'skij mogil'nik [Cemetery of Novy-Sasykul] // *Arheologicheskie raboty v nizov'jah r.Beloj*; otv. red. A.K. Pshenichnyuk. Ufa, 1986. S. 95–122.

38. Gening V.F. Istorija naselenija udmurtskogo Prikam'ja v P'janoborskuju jepohu. Chegandinskaja kul'tura III v. do n.je. – II v. n.je. Ch. II [The History of the Population of the Udmurt Kama Region in the Pyanobor era] // *Voprosy arheologii Urala*. Вып. 11. Izhevsk; Sverdlovsk, 1971. 190 s.

39. Goldina R.D., Krasnoperov A.A. Nyrgyndinskij I mogil'nik II–III vv. na srednej Kame [Nyrgyndinsky I Burial Ground II–III cent. on the Middle Kama] // *MIKVAJe*. Т. 22. Izhevsk: Udmurtskiy universitet, 2012. 364 s.

40. Tallgren A.M. L'epoque dite d'Ananino dans la Russie orientale // *Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja*. XXXI. Helsinki, 1919. 203 p.

Alexander A. Krasnoperov – Cand. Sc. (History), Researcher, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of RAS (Izhevsk), e-mail: alexander.kaa@mail.ru

Received March 23, 2022

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Красноперов, А. А. Сильнопрофилированные фибулы с территории Прикамья и их контекст / А. А. Красноперов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2022. – Т. 22, № 4. – С. 42–50. DOI: 10.14529/ssh220405

FOR CITATION

Krasnoperov A. A. Fibulae of Almgren-87 (Strongly Profiled) from the Territory of the Kama Region and Their Context. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2022, vol. 22, no. 4, pp. 42–50. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh220405
